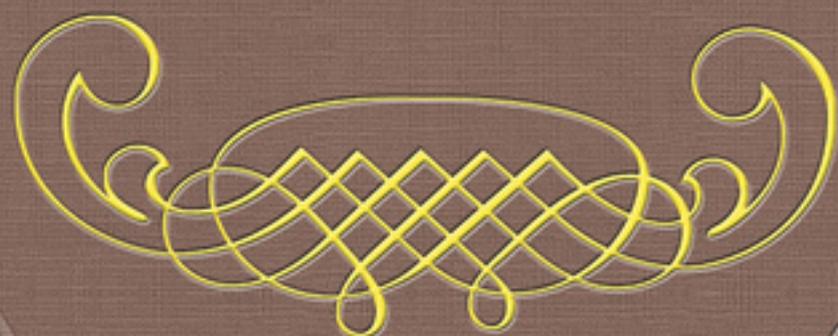

П. Е.
АННЕНКОВА

Воспоминания

Прасковья Анненкова

Воспоминания

«Public Domain»

1875

Анненкова П. Е.

Воспоминания / П. Е. Анненкова — «Public Domain», 1875

«Я помню себя очень рано, с полуторагодового возраста. Это, конечно, покажется невероятным каждому, но, право, я ничего не преувеличиваю. Мать моя всегда изумлялась моей памяти, когда я ей рассказывала какой-нибудь случай, поразивший меня в детстве, и всегда сознавалась в верности моего рассказа. Самое первое мое воспоминание – то, что я чуть-чуть не выпала из окна, куда посадила меня одна из моих тетушек, чтобы смотреть на иллюминацию. Окно было закрыто persienne, которая не открывалась уже несколько лет, ее задерживал снаружи камень. Тут вдруг камень этот свалился, и persienne растворилась, – едва только тетушка успела схватить меня, и я хорошо помню свои слезы от испуга и ужас тетки. Происходило это в городе Сен-Миеле, где жили тогда мои родители...»

© Анненкова П. Е., 1875

© Public Domain, 1875

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Прасковья Егоровна Анненкова

Воспоминания

Глава первая

Детство – Замок Шампиньи – Великая французская революция – Арест и заключение отца – Булоньский лагерь – Император Наполеон – Негр Кастенг – Школьные шалости – Смерть отца

Я помню себя очень рано, с полуторагодового возраста. Это, конечно, покажется невероятным каждому, но, право, я ничего не преувеличиваю. Мать моя всегда изумлялась моей памяти, когда я ей рассказывала какой-нибудь случай, поразивший меня в детстве, и всегда сознавалась в верности моего рассказа. Самое первое мое воспоминание – то, что я чуть-чуть не выпала из окна, куда посадила меня одна из моих тетушек, чтобы смотреть на иллюминацию. Окно было закрыто *persienne*¹, которая не открывалась уже несколько лет, ее задерживал снаружи камень. Тут вдруг камень этот свалился, и *persienne* растворилась, – едва только тетушка успела схватить меня, и я хорошо помню свои слезы от испуга и ужас тетки. Происходило это в городе Сен-Миеле, где жили тогда мои родители.

Родилась я в Лотарингии, в замке Шампиньи, близ Нанси, в 1800 году, 9 июня. Замок Шампиньи, принадлежавший когда-то владельцам того же имени, стоит на горе и окружен стеною и башнями (теперь, может быть, это уже развалины). Как все средневековые замки, Шампиньи имел подвалы, где хоронились его владельцы. Революция, ничего не щадившая, потревожила кости владельцев Шампиньи. Подвалы были перерыты, и скелеты выброшены из своих пышных гробов. Я хорошо знала потом одну истую революционерку, гражданку Малерм, участницу в разорении катакомб. Она забавлялась тем, что скатывала с горы, на которой стоял замок, черепа его владельцев; один из черепов попался ей набитый золотом. Эта женщина оказала семье моей огромную услугу: она спрятала отца от жандармов, имевших приказание арестовать его, в тех самых катакомбах, которые были предметом ее ненависти. Несмотря на то, что отец мой был аристократ и роялист, гражданка Малерм жалилась над ним.

Во время самого сильного разгара революции, в 1793 г., отцу моему было 17 лет. Он служил в королевских драгунах и стоял с своим полком в Безансоне. Однажды, не знаю по какому случаю, офицеры этого полка, а в том числе и отец мой, вышли на площадь Безансонскую и прокричали: «Да здравствует король!», прибавляя ругательство на республику. Народ бросился в исступлении на них и, схвативши за косы (тогда военные носили косы), повлек в крепость. Дорогой несчастные молодые люди были жестоко избиты, их били чем попало и бил кто хотел – и женщины, и дети. Отец мой получил в голову несколько ран обломками какого-то стула. В крепости они просидели полтора года. Их было 16 человек и все почти подверглись казни. В крепости их содержали жестоко, давали на каждого только по 6 золотников хлеба в сутки, и если бы не благотельная сестра Марта, которая приходила к ним с набитыми хлебом карманами, они бы умерли с голода. Сестра Марта получила потом крест от Александра I за ее добродетельные подвиги.

Отца моего спасла молодость да подоспевшее вовремя падение Робеспьера. Отец был выпущен из крепости, но получил бумагу, в которой было сказано: «Не достоин служить республике». С этой бумагой он отправился к Моро, тот сказал ему: «Сохраните эти бумаги, молодой человек, они когда-нибудь вам пригодятся». Но, несмотря на одобрительные слова Моро, отца моего уже никуда не принимали, и он долго был без места. Вот почему и жил он в замке

¹ Оконный ставень из горизонтальных отдельных жалюзи.

Шампиньи у своего приятеля Шосоне, который купил замок. Женился он в 1799 г. на m-ле Горси. Когда был открыт заговор Жоржа Кадудалья и Пишегрю, отца заподозрили в соучастии с ними, но это было несправедливо; вероятно, поэтому его и оставили в покое.

Известно, что вскоре после этого заговора Наполеону подставили адскую машину, и он, так счастливо спасшийся от нее, с яростью преследовал виновников этого дела. Отец мой снова пал под подозрение и на этот раз был преследован. Жандармы отыскивали его и явились к его матери. Та, чтобы спасти себя, выдала сына и открыла им место его жительства, даже сама привела жандармов в Шампиньи. Такие примеры во время революции были не редки, но не менее того они приводят сердце в содрогание. Вот от этих-то жандармов и спасла отца та женщина, о которой я уже говорила. В благодарность за ее доброе сердце и великодушное дело, я всегда называла ее «Мамаша Малерм». Это ей льстило, но она часто говаривала: «Ну, да, теперь мамаша, а как вырастешь, – аристократы научат тебя говорить: „Фи, Малерм!“»

В то время когда явилась к нам бабушка с жандармами, мне было только несколько месяцев, мать держала меня на руках. Она пришла в такое негодование на старуху, что схватила что-то, чтобы бросить в нее, и меня выронила из рук. Я была поднята одним из жандармов и осторожно передана матери. Она рассказывала потом, что не понимала, как я могла уцелеть, потому, что пол, на который я упала, был из каменных плит.

При вторичном появлении жандармов отец спрятался в пшеницу, которая во Франции растет очень высоко. Но, как кажется, он был обязан своим спасением также и тому, что его не слишком тщательно разыскивали. Таким образом ему удалось спастись от преследований.

В 1802 году отец мой, поддерживаемый протекцией и ходатайством разных лиц, был наконец принят на службу Наполеоном I. Мне было два года, и я хорошо помню, как отец отправился в Булоньский лагерь, где получил место казначея во флоте. На нем был голубой мундир с малиновыми отворотами и серебряные эполеты; мундир мне чрезвычайно нравился. К отцу я была привязана до крайности с самых пеленок, и отъезд его врезался у меня в памяти со всеми подробностями.

Мать моя отправилась за отцом, оставя нас в пансионе. Моложе меня была еще сестра. Потом нас обеих привезли в Булонь. Там мы обе носили матросское платье, и нас выдавали за мальчиков, потому что на них шло особенное содержание: выдавалось по 33 франка в месяц на каждого и, кроме того, припасы. Не знаю, было ли это общее положение для всех служащих в Булоньском лагере, но помню, что и посторонние в лагере, кто имел сыновей, получали то же самое. Мне было тогда четыре года. Отец любил меня без памяти, баловал ужасно и всюду таскал с собою. Таким образом я бывала с ним часто у адмирала Камбиза. Однажды тот, лаская меня, взял на руки и говорит: «Какой ты хорошенький мальчик». Я на ухо отвечала ему: «Тебя обманули, господин, я – девочка, а не мальчик». Он очень смеялся над моим ответом, но сделал вид, как будто не понял, в чем дело.

Часто также отец водил меня с собою в лагерь, но так как для четырехлетнего ребенка путь был не близкий, то меня всегда почти нес на руках кто-нибудь из знакомых офицеров, которых у отца было очень много – каждый день решительно обедало человек сорок или пятьдесят. Когда мы подходили к лагерю, я с большим любопытством следила за отцом, пока он переговаривался с часовым вполголоса. Мне страх хотелось узнать, что именно было сказано, и когда отец отказывался отвечать на мои пытливые вопросы, я начинала целовать офицера, у которого была на руках, умоляя его объяснить мне загадку, и потом долго сердилась на них за то, что они не хотели удовлетворить моему детскому любопытству.

Лагерь меня очень занимал. Я помню палатку, в которой останавливался Наполеон, когда объезжал лагерь. Она ничем не отличалась от солдатских палаток, была такая же небольшая и простенькая, убрана внутри так же незатейливо: железная кровать, стол и маленькое зеркало составляли всю меблировку, на стене висели серый плащ и треугольная шляпа. Помню и самого Наполеона, всегда сопровождаемого своим неизменным мамелюком Рустаном. Когда

нам случалось встречать его, я мигом снимала свою матросскую шляпу и, поднимая ее вверх на шпаге моего отца, кричала: «Да здравствует император!» Властелин Франции, всегда ласково и улыбаясь, кивал мне своей могучей головой.

У меня до сих пор живы в памяти спектакли, которые давались в Булони. Однажды взяли меня на представление битвы под Маренго. В другой раз я была с матерью в ложе. Меня поразило, когда мы вошли, что все бинокли обратились на нас. Мать моя, как я узнала потом, считалась красавицей и обращала на себя внимание везде, где появлялась. В этот вечер на ней было черное креповое платье, отделанное оранжевым атласом, и, вероятно, в этот вечер она была особенно хороша, потому что и на меня произвела впечатление. Я все время смотрела на нее и любовалась. На другой день я рассказывала всем и каждому все, что делала и слышала в театре. Отца это очень забавляло, и он, сажая меня к себе на колени, заставлял беспрестанно повторять куплеты, которые я напевала с большою верностью. Вообще у меня еще с детства была страсть к музыке и какая-то особенная способность передавать голосом все, что я слышала. Так, я помню марш, который играли, когда войска отправлялись в поход в 1805 г. перед Аустерлицким сражением. Отец потом выучил меня словам. Вот они, их сложили солдаты:

Adieu, peniche et bateau plat,
Et prame, et canonniere,
Tambour, il bat, il fuit partir
A l'heure qu'on nous appelle.
Adieu, nos chers petits pigeons,
Cantine el cantiniere,
Nous reviendrons dans nos cantons.
Oui! dam! apres la guerre².

Остальные куплеты я не помню. Отец заставлял меня беспрестанно напевать этот марш.

Что я любила еще – это слушать его рассказы про чью-нибудь храбрость. Меня очень занимала история Латур-д'Оверня и его сердца, которое сохранилось в полку, получившем название от своего храброго солдата. Сердце находилось в урне, и всякий вечер, когда делали оклик солдатам, первый гренадер выходил с урною в руках и, поднимая ее вверх, отзывался: «Здесь!», потом, опуская, прибавлял: «Погиб на поле чести!»

К нам часто ходил из этого полка батальонный командир Камброн. Мы его очень любили за то, что он позволял делать с собою, что хотелось. Часто, поваливши его на пол, мы лазали по нему без всякой церемонии. Я помню Камброна, как он, отправляясь в поход, проходил со своим батальоном мимо балкона, на котором мы стояли с отцом, и кричал ему, делая саблей знак прощания: «Не надо, чтобы это заставило булькать твою кровь!» Тогда была мода между военными говорить таким языком (Камброн был брат того Камброна, который в Ватерлооскую битву прокричал: «Гвардия умирает, но не сдается!») Впрочем, не один Камброн баловал нас, все офицеры были чрезвычайно ласковы, беспрестанно приносили нам букеты цветов, лучшие фрукты и задаривали игрушками. Только одного из них не любили мы – это капитана Creve-Oeil. У него был негр, с которым он иногда дурно обходился. Однажды бедный Мушет – так звали негра – заснул. Капитан, чтобы разбудить его, зажег сверток бумаги и поднес ему под нос. Такое обращение привело нас в величайшее негодование. Мы с сестрою бросились на безжалостного капитана и грозили, что выколем ему глаз, если он не оставит бедного Мушета. «Creve-Oeil, nous te creverons un oeil!»³ – кричали мы ему и отстояли своего любимца негра.

² «Прощайте, шлюпка, плоскодонка, катер и канонерка! Барабан уже бьет, надо отправляться, когда нас позовут. Прощайте, милые голубчики, – погребок и маркитанка! Мы вернемся домой! О, да! Вернемся после войны!»

³ Игра слов: Steve Oeil значит – «выколи глаз»; буквально: «Выколи Глаз, мы тебе выколем глаз».

Я уже сказала, что отец мой был казначеем во флоте. Каждое первое число к нему приносили несколько ящиков, наполненных мешками с золотом и серебром. На каждом мешке была означена сумма денег, заключавшихся в нем. Надо было все поверять, и этот труд лежал на моей матери. Однажды, проверяя мешки, она нашла один с золотом между теми, которые были с серебром. Он был наполнен франками вместо су, ошибка была огромная. Отец мой, узнавши об этом, тотчас же отправился с мешком к Бутро, главному казначею. Бутро, увидя мешок и думая, что ошибка в свою пользу, сказал отцу, не дожидаясь объяснений, что не он виноват, коль скоро деньги были уже приняты отцом. Отец был ужасно вспыльчив и нетерпелив. «Подлый дурак, ты обманываешь их на свою же голову!» – отвечал он ему, оставляя мешок. Такие ошибки случались нередко. Раз отец был обсчитан на 800 франков, но Бутро отказался возратить ему деньги. Когда отцу случилось потом найти данный лишний мешок, он опять отнес его к Бутро и, бросивши на пол, повернулся к нему спиной, не сказавши ни слова. Когда жалование раздавалось, меня заставляли помогать отсчитывать деньги, и я ставила тоже столбики из золотой и серебряной монеты на бюро отца. Медная и мелкая монета раздавалась на вес. Для этого были устроены особенные весы, монета высыпалась на пол, ее сгребали и клали, как теперь помню, на весы лопатами.

Отец мой был всеми очень уважаем и любим за свой прямой и благородный характер, но особенно он был известен своею честностью, бескорыстием и был отлично аттестован адмиралом Камбизом (и Брюиксом). При раздаче крестов Почетного легиона, Наполеон, читая аттестат отца, спросил его: «Вы холосты?» – «Нет, ваше величество, у меня четверо детей». – «Тем более это вам делает честь!» – сказал Наполеон и подал ему крест. Когда войска выступили в поход, место, занимаемое отцом, было упразднено. Ему обещали другое, при Иосифе Бонапарте, короле неаполитанском, но отец сильно захворал, и место было отдано другому. Мы жили тогда в Переи – одно из предместий Коронси.

Болезнь, которой подвергся отец, была эпидемическая, кажется, тиф. Не только он слег в постель, но и мать, и маленький брат мой, и все люди, так что во всем доме не оставалось ни одного человека на ногах, кроме старого матроса и меня. Сестра моя была тогда в Нанси, в семействе Гюго, куда увезли ее из Булони. Отец мой был очень дружен с четырьмя братьями Гюго, отцом и дядями поэта. Все они служили в Булонском лагере. Наполеон, узнав о болезни отца, прислал своего доктора Лоре. Застав всех в постелях, Лоре с удивлением спросил, кто ходит за больными, и еще больше удивился, когда узнал, что сиделкой была я, семилетняя девочка. Удивительно, в самом деле, как я сохранилась от эпидемии, особенно ухаживая за больными, как я делала, не отходя от них ни днем ни ночью. Я всем давала лекарство и приготовляла тоже тизану⁴ с помощью старого матроса, который приносил мне дрова и разводил огонь. Лоре, после сделанного им визита, прислал от себя доктора и двух сиделок. Отец мой выздоровел прежде матери и поехал в Лотарингию, взявши меня с собою, потом уже приехала и мать с братом.

Вскоре отец получил место при Иосифе Бонапарте, которого Наполеону вздумалось пересадить на испанский престол. Иосиф находился тогда со всем двором своим в Бургосе. Отец отправился туда, получивши две тысячи франков на дорогу. Мать осталась на время с нами в Шампиньи. Только мы в это время жили уже не в том замке, где я родилась. В Шампиньи был еще другой замок под горой, из которого Наполеон сделал прекрасный артиллерийский парк, где главным доктором был отец моей матери. У него-то и оставались мы. Начальником парка был m-г Кастенг – негр, женатый на m-lle де-Богарнэ.

Станным покажется, каким образом m-lle де-Богарнэ была замужем за негром. Но во время революции, в это страшное время смешения всех и всего, все было возможно. M-lle де-Богарнэ должна была погибнуть во время нантских утоплений. В то время как ее уже свя-

⁴ Прохладительное питье.

занную с кем-то готовились бросить в воду, Кастенг заявил желание жениться на ней. Разбирать было некогда, и m-lle де-Богарнэ приняла руку и сердце великодушного негра. Наполеону не могло нравиться такое родство, а отвергнуть его было невозможно. Чтобы помирить одно с другим, Кастенга держали в Шампиньи, где он был скрыт от всех глаз, а между тем занимал приличное место и получал большое содержание. (Наполеон назначил его начальником парка, – об этой личности нигде не говорится.) Мать моя была довольно близка с m-me Кастенг. Я хорошо помню как ее, так и ее мужа. У них был сын, который, несмотря на то, что не был так черен, как отец, был гораздо безобразнее его. Это ему, однако, не помешало жениться на хорошенькой девушке, m-lle де-Блэй. Они имели человек пять детей, одни были мулаты, другие – совершенно белые.

В Шампиньинском парке было 4500 человек одних рабочих. Мы должны были оставаться тут до приезда отца в Мадрид, куда мать собиралась за ним ехать. Нас с сестрой она хотела поместить в пансион в Нанси, а после в Шампиньи. Мы ходили в школу, которая была учреждена монахинями. Они сами занимались с нами и имели обычай тем, кто хорошо вел себя в продолжение недели, раздавать серебряные медали с изображением Божьей Матери и надписью: «За хорошее поведение». Сестра моя получала медаль каждую субботу, я – никогда, потому что была воплощенная шалость и всегда болтала без умолку, а святые сестры любили, чтоб мы держали себя тихо и скромно. Мать часто упрекала меня за то, что я не умела заслужить медали. Мне страшно хотелось ее утешить, но сдержатъ свою буйную натуру я не была в состоянии, особенно помолчать было выше сил моих, и я решилась на хитрость. Выходя из школы, я сорвала медаль с сестры, прежде чем она успела оглянуться, и бросилась бежать домой. Мать очень удивилась, увидя на мне медаль, поздравила меня и утешила сестру, которая шла за мною вся в слезах. Мать вообразила, что ее другая дочь плачет о том, что, выйкши получать медаль каждую субботу, возвращалась теперь без нее. Но вслед за нами явилась монахиня и объяснила, в чем дело. Тогда меня наказали. Странное дело: мать моя была чрезвычайно строга, я ее страх боялась, но это нисколько не мешало мне делать разные шалости, на которые я была чрезвычайно изобретательна. Между прочим, я была очень дружна со всеми крестьянскими девочками. Всего больше я любила меняться с кем-нибудь из них платьями, часто надевала их костюм и находила, что он удобнее и красивее моего.

Когда отец оставил нас, мне было восемь лет. Я горько и неутешно плакала, расставаясь с ним, как будто предчувствовала, что не увижу его больше. Никогда не забуду, какое это было грустное прощание для всех нас. Сам он был страшно печален в день отъезда. Из Байонна он писал матери: «Сегодня я вступаю на территорию Испании. Я предчувствую, что больше не увижу моей родины. Я не знаю почему, но слова того человека, о котором я говорил тебе, постоянно приходят мне на память». Когда отца выпустили из Безансонской крепости, он хотел видеть Мору и для этого поехал в Париж. Дорогой в одной из гостиниц он встретился с человеком, который произвел на него странное впечатление. То был немой. Долго он всматривался в отца, наконец спросил, написав на столе, не желает ли он узнать будущее. Отец не верил в предсказания, но из любопытства просил таинственного незнакомца сказать ему что-нибудь. Тот написал: «Вы скоро женитесь, у вас будет много детей, и об одном из них будут много говорить. Вы умрете не своей смертью, но в чужой стране». Вот эти-то последние слова и тревожили отца моего. Из Бургоса он писал, что был прекрасно принят королем Иосифом, и казался очень доволен своим местом, которое должно было принести 30 тысяч франков содержания. Письмо это из Бургоса было последнее. Вскоре двор Иосифа отправился в Мадрид. Не знаю почему, отец мой хотел непременно ехать верхом и купил для этого лошадь. Братья Гюго, которые перешли вместе с ним к Иосифу, неотступно уговаривали его не отставать от свиты короля и сесть лучше в одну из карет.

Но есть какой-то неизбежный рок, который иногда нами управляет. Несмотря на добрые советы своих друзей и видимую опасность при путешествии одному по дороге, где часто путе-

шественники были останавливаемы гверильясами, и опасность эта увеличивалась тем, что с ним были бумаги и деньги; но несмотря на все это, отец выехал из Бургоса верхом, сопровождаемый своим человеком. С ними была еще третья лошадь, запасная, на которую они привязали чемодан с бумагами. В одно время с ними выехали братья Гюго, но они были в экипаже. Подъезжая к деревне Аранда, человек заметил отцу, что его лошадь расковалась. Отец отвечал: «Можно заехать в деревню, чтобы подковать ее». Аранда лежала немного в стороне от дороги. Он пришпорил свою лошадь, поклонился Гюго и поскакал туда, крикнув им, что скоро надеется догнать их. Человек последовал за ним. 23 октября 1809 года въехали они в Аранду, но оттуда им уже не было суждено выехать. Отец, человек, лошади, бумаги – все пропало без вести. Предполагают, что они были убиты гверильясами. Король Иосиф дал приказание разыскать по крайней мере след этого убийства, но все труды были напрасны. Ничего не было открыто, найдена только в колодцах пропасть изрубленных тел, но кто были эти несчастные – невозможно было узнать.

Все эти подробности были сообщены моей матери одним из Гюго, который осторожно извещал ее о несчастье, так ужасно и так внезапно разразившемся над нами. Невозможно описать, в какое отчаяние впала бедная мать моя. Она уже никогда не могла оправиться от этого удара, да и некогда было: одно несчастье следовало за другим, как это почти всегда и бывает.

Глава вторая

Дядя Леклер – Прощение о пенсии – Первое причастие – Неугомонная ветреница – «Домашний арест» – Семейство Сос – Поход 1812 года – Русские войска во Франции – Торжество роялистов – Нужда – Первое сватовство – Отъезд в Париж

Матери моей было 27 лет, когда она осталась вдовою с четырьмя детьми. Она имела свое состояние, но по французским законам не могла распоряжаться им, потому что отец не оставил ни духовной, ни доверенности, а мы были малолетние. Состояние перешло в руки опекунов. Главным из них был дядя Леклер, муж сестры матери моей, человек крутой и скупой до крайности. Он самовольно стал распоряжаться всем, давал, что хотел, матери, и часто оставлял нас в самой крайней нужде. Мать моя, как женщина, не умела бороться с ним, при том же здоровье ее все более и более расстраивалось. Ужасные нервные припадки начали часто посещать ее. Она слабела и падала духом.

Мне было 9 лет, когда мать заставила меня подать просьбу императору Наполеону. Он тогда возвращался, уже не знаю откуда, в Париж и должен был остановиться для обеда в Вуа – станция в 6 или 7 лье от Шампиньи и недалеко от Коммерси, где находился дворец, в котором сгорел король польский, Станислав Лещинский. Известно, что обеды Наполеона продолжались недолго. Мы рано встали утром и спешили в Вуа в день его приезда. Туда бежал народ толпою, чтобы посмотреть на своего идола. Мать надела мне белое платье, завилы волосы, взяла за руку и повела к дому, где остановился Наполеон. В то время, когда он готовился сесть в карету, она выдвинула меня вперед, и я протянула прошение. Наполеон приказал взять его и, расспрашивая мать, чего она желает, потрепал меня по щеке. Прощение было о пенсии, потом мать просила, чтобы кого-нибудь из нас приняли на воспитание в какое-нибудь казенное заведение. Наполеон прислал ей 12 тысяч франков единовременного пособия, положил пенсион в 2 тысячи франков и соглашался принять или меня с сестрою к m-me Кампан, или братьев в Сен-Сирское училище, предоставляя выбор воле нашей матери. Она, рассчитывая, что девочек легче будет воспитать дома, чем мальчиков, просила принять братьев. Их записали, но поступить они в то время не могли, потому что были малы.

После того как я подавала просьбу Наполеону, мы провели год в Туре у своих знакомых, потом переехали в Сен-Миель. Тут мы жили у прабабушки со стороны моей матери. Это была старенькая, маленькая женщина, чрезвычайно добрая. В 11 лет я была с нею почти одного роста и водила ее под руку каждое воскресенье к обедне. После обедни у ее дома собирались нищие, выносили всегда корзину с хлебом и пирогами, а карманы ее были наполнены мелкими монетками, и она всем раздавала милостыню. На похоронах у нее было 800 нищих, и умерла она 115 лет. Она была m-lle Saint-Henrie, вела родословную от каких-то королей и говорила, что сделала мезальянс, выйдя замуж за прадедушку Горси, который был сын аптекаря. Это не помешало им, однако, прожить 58 лет вместе в невозмутимом согласии.

Когда мне минуло 11 лет, m-lle Додо, монахиня, одна из тех монахинь, которых революция разбросала повсюду, отнявши у них монастыри, начала готовить меня к говению. Она наставляла меня и толковала мои обязанности. Первое причастие у католиков играет очень важную роль, и приготовления к этому дню большие. В продолжение двух лет надо ходить каждое воскресенье в церковь на уроки катехизиса, а последние шесть недель – каждый день. Нас было всего 500 человек, девочек и мальчиков, ходивших на уроки к кюре Марки. Все мы с невыразимым нетерпением ожидали торжественного дня, и, право, это был лучший день в жизни. Когда настал этот день, меня одели в белое платье с голубым кушаком и на голову надели большой вуаль и венок из белых роз. Все должны быть непременно одеты одинаково для этой церемонии, и в этом случае самые бедные не отстают от других. Иногда родители

работают целые годы, чтобы только прилично одеть ребенка, который идет в первый раз к причастию.

Между тем мать моя продолжала плакать, и ребяческое мое сердце разрывалось при виде ее страдания. Всегда больная, она не выходила почти из дому, и я, как старшая в семье, заменяла ее во всем: ходила на рынок, хлопотала по хозяйству и с ранних лет приучилась обо всем заботиться. Например, мать моя должна была заплатить 4 тысячи франков, а дядя ей ничего не давал. Я отправилась к нему, захвативши лист гербовой бумаги. Когда я вошла к нему, он писал и продолжал писать, не обращая на меня внимания. Я нашептывала ему на ухо, что матери нужны деньги. Наконец мне надоело его невнимание, я выдернула у него перо и бросила на пол. Он отшучивался, взял другое перо и продолжал писать. Я схватила чернильницу и начала бегать кругом стола. Видя, что от меня не отделаешься, он начал отговариваться тем, что у него нет гербовой бумаги. Тогда я вытащила финансовый лист и положила ему на глаза. Он дал наконец заемное письмо, которое я с триумфом отнесла матери. Она передала его заимодавцу. Мы на несколько времени успокоились. Я была вообще характера очень живого.

Во Франции принято вообще, чтобы все девушки зарабатывали деньги на свои мелкие расходы, и мы с сестрою не отставали от других. Продавая свое шитье и вышивание, мы получали от 4 до 5 франков в день. Но недалеко от нас жила девушка, которая выручала до 36 франков в день, зато, бедная, вогнала себя в чахотку. В Сен-Миеле было много семейств, потерявших все в революцию, и дочери их работали. Впрочем, m-lles Тьери, Обри работали тоже, несмотря на то, что отцы их имели состояние. Но дело делом, а шалости тоже шли своим чередом. Я умела то и другое вести вместе. Влезть куда-нибудь было моим лучшим удовольствием. Однажды пришли сказать моей матери, что я на крыше дома. Она выбежала, чтобы заставить меня сойти, но, увидя, в какой я находилась опасности, не имела духу ничего сказать и упала в обморок. Через десять минут я была возле нее и покрывала руки ее поцелуями. Она была с нами чрезвычайно строга и ничего нам не спускала, но в этот раз, вероятно, обрадовавшись, что я цела и невредима, оставила меня без наказания. Спускаясь с крыши, я чуть не разбила себе голову, но это мне не помешало, однако, выкинуть другую штуку в этом же роде и не менее опасную.

Дом, где мы жили тогда, был огромный. Это была прежде церковь, принадлежавшая к монастырю, который находился тут, но в революцию был разорен. Из дортуаров монахинь сделали театр, а церковь обратили в дом, где наделали квартир. Мы нанимали второй этаж. Возле нашего дома, как раз под моим окном, находился небольшой домик и такой низенький, что крыша его была на аршин ниже моего окна. Мне пришло в голову, что хорошо было бы вылезть в окно, а крыша маленького домика, как нарочно поставленного тут, меня очень соблазняла. Только не легко было попасть на нее, потому что она была очень поката, к тому же она находилась не совершенно под моим окном, а подавалась немного назад, и надо было смело шагнуть из окна, чтоб попасть только на самый край крыши. Но чем больше нужно было смелости, тем сильнее она являлась во мне. Опасность имела для меня какую-то прелесть, и я, не рассуждая нисколько, что могла дорого поплатиться за свою храбрость, отправилась в окно и вмиг была на крыше, к изумлению всех подруг моих, которые были свидетельницами этого воздушного путешествия. Теперь, как я вспомню, мне кажется, что все это произошло во сне. С крыши надо было как-нибудь попасть вниз, но это уже меня нисколько не затрудняло. Я вошла преспокойно в слуховое окно, прошла чердак, спустилась по маленькой скверной лесенке и очутилась в комнате посреди множества сапожников, прилежно сидевших за своим делом. Добрые люди ужасно перепугались и удивились моему появлению. Я просила у них позволения пройти через их квартиру и возвратилась домой. Но матери уже донесли о моем походе, и на этот раз мне не прошло даром: меня посадили на хлеб и воду и заперли в пустую комнату, которая была в третьем этаже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.